

ЭМИГРАЦИЯ КАК ИНДИКАТОР СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

А.С. Ахиезер

Эмиграция из России, право свободного выезда и возвращения ее граждан, возможность в рамках закона сменить страну проживания и работы — явление новое в стране, где на протяжении нескольких веков присоединение любой территории всегда сопровождалось попытками государства поставить под свой контроль возможность передвижения людей не только в другую страну, но и внутри своих границ. Возникновение правовой основы эмиграции на постсоветском этапе — свидетельство глубоких качественных перемен.

В последние годы масштабы эмиграции из России не слишком велики. Тем не менее, ее значение представляется достаточно большим прежде всего в связи с возможностью и необходимостью рассматривать ее как важнейший и еще недостаточно оцененный показатель состояния общества, массовых настроений, состояния отдельных групп. Эмиграцию можно рассматривать, как индикатор глубоких, часто скрытых процессов. Использование эмиграции как индикатора требует ее изучения на широком фоне динамики общества.

Исторические корни российской эмиграции

В России на протяжении большей части истории не только не могло быть и речи о свободной эмиграции по личному решению, но даже не возникало такой правовой проблемы. Имели место процессы, которые можно лишь приближенно рассматривать как эмиграционные, как некоторые формы протоэмиграции.

Одним из «предшественников» эмиграции был выезд по решению или с разрешения царя, высшей администрации за границу для приобретения необходимых государству знаний. Эти разрешения предусматривали определенные ограничения и ущемления, и прежде всего требования возврата в страну или, наоборот, лишение права на возвращение.

Но в широком смысле протоэмиграция России родилась из переселения и колонизации. В. Ключевский считал, что «переселение, колонизация страны была основным фактором нашей истории, с которым в близкой и отдаленной связи стояли все другие ее факты», в стране существовала «продолжительная переселенческая бродячесть» (1).

С конца XV века территория страны увеличилась в 400 раз. Территориальный рост, с одной стороны, позволял в значительной степени, хотя и не полностью, удовлетворять миграционные потребности населения в рамках собственной территории Российского государства. С другой стороны, он позволял миграционным процессам обгонять расширение государства. «Север и Сибирь с Аляской были присоединены и освоены не столько государством, сколько народом, крестьянскими семьями...» (2, с. 4). Государство нередко шло за людьми, которые стремились переселяться на соседние, часто слабо заселенные территории. За период с начала XVIII века и до начала XX

века, т.е. примерно за 200 лет на окраины переместилось более 15 млн. чел., главным образом, крестьян (3). Русские постоянно перемещались на обширные территории «от северных областей России до южных районов Средней Азии и Закавказья, от западных границ до районов Дальнего Востока...» (4, с.33), т. е. фактически охватывая все доступные районы, тяготеющие к своей основной зоне расселения. Это движение можно сравнить с тестом, выходящим из квашни и медленно, но упорно заполняющим все окружающее пространство, обтекая препятствия и заполняя впадины. Этот процесс продолжался и в XX веке.

С. Соловьев, В. Ключевский, в какой-то степени П. Милюков рассматривали подвижность населения как элемент самобытности истории России, как то, что существенно отличало Россию от других стран и народов. Это находит свое подтверждение у византийского писателя Прокопия (VI век), который писал, что славяне жили в простых разбросанных в пространстве хижинах и часто переселялись (3, с.24). Историк Н.П. Павлов-Сильванский резко противопоставил Русь оседлому Западу. С. Соловьев писал об исключительно высокой подвижности, о бродяжничестве населения России.

Колонизация, подвижность — сложнейшие социокультурные явления, их нельзя рассматривать в абстрактной изолированности. Для этапа российской колонизации характерно, прежде всего, господство традиционализма, преобладание крестьянского населения, господство экстенсивных форм труда, деятельности, а также рост этнического разнообразия в результате присоединения новых территорий.

Говоря о движущих силах колонизации, прежде всего следует указать на массовое стремление уйти от власти, сохранить догосударственный образ жизни. «Наш мужик знал, что за Окой на Дону, на низовом Поволжье и т. д. есть места, где ни боярин, ни подьячий его не достанут. В этом обилии пустынных и удобных земель и заключалась коренная разница между Европой и Россией; это обилие и давало возможность массовых переселений... «самобытность» истории России и в сфере производства и в сфере распределения больше всего выражалась, в конце концов, в неограниченном просторе земель и в постепенной их колонизации» (6). Громадное влияние на судьбу страны оказывало массовое стремление жить на вольных землях, «уйти в казаки». Государство отвечало на уход от его власти населения, на существование «жидкого элемента» (выражение С. Соловьева) стремлением закрепить всех вплоть до высших лиц в государстве, запретить не только эмиграцию, но и самовольное перемещение внутри государства.

Другой важной движущей силой колонизации были экстенсивные формы земледелия, которые требовали постоянного расширения пригодной для сельского хозяйства территории. Тем самым стимулировалось закрепление архаичных форм экстенсивной культуры и деятельности, стремление противостоять развитию интенсивного производства, в какой-то мере и воспроизводство догосударственных форм жизни. Все это подрывало представления о жизненной важности развития и прогресса, подменяя их представлениями о неисчерпаемости необходимых для воспроизводства ресурсов.

Государство же в этих условиях самой логикой вещей побуждалось искать пути и методы закрепления людей, «жидкого элемента русской истории» в рамках государственной жизни, на необходимых для воспроизводства, выражаясь современным языком, «рабочих местах» вплоть до высших лиц. Это стимулировало мощный раскол между народом и властью, который имел трагические последствия для последующей истории.

Начало протоэмиграции в период колонизации

История эмиграции распадается на этапы, каждый из которых характеризуется специфическими формами и масштабами, своим местом в социокультурной динамике общества, движущими силами возникновения социальных кризисов и катастроф — этих важнейших факторов значимых изменений в эмиграционных процессах.

Первый этап совпадает в основном с периодом колонизации. После превращения улуса Золотой орды в самостоятельное государство при Иване Ш оно стало прибежищем иммигрантов из Литвы. Однако уже при этом царе был введен запрет на свободный отъезд бояр от князя. При внуке Ивана Ш Иване IV положение резко ухудшилось. Люди могли попасть за границу, лишь рискуя жизнью. Немецкий путешественник Шлейзингер писал в 1584 г. «Если бы ныне в России нашелся кто-то, имеющий охоту посетить чужие страны, то ему бы этого не позволили, а, пожалуй, еще бы пригрозили кнутом, если бы он настаивал на выезде, желая немного осмотреть мир. Есть даже примеры, что получили кнута и были сосланы в Сибирь те люди, которые настаивали на выезде и не хотели отказаться от своего намерения». Предполагалось, «что того человека совратили, и он стал предателем или хочет отойти от их религии» (4, с. 187-196). В Литву и Польшу бежали монахи, впавшие в ересь, беглые холопы. Среди «утеклецов» были Феодосии Косой, известный основатель «Нового учения», направленного против официального православия, (7, с.98), первопечатник Иван Федоров, князь Курбский, который писал о России, что она «затворена, как в адовой твердыне», Гришка Отрепьев.

Знаменательное событие произошло при Борисе Годунове. В Германию, Францию, Англию было отправлено на учебу 18 человек. Г.П. Федотов называл их первыми русскими интеллигентами. Ни один из них не вернулся (8). Практика посылки царем на Запад людей усилилась во время Петра I, когда в разные города Европы за западной наукой были посланы десятки людей. Они могут называться эмигрантами с большой натяжкой, так как уезжали не по своей воле. Если они оставались за границей самовольно, то рассматривались как изменники. Постепенно, однако, появились люди, которые получали монаршее дозволение выезжать за границу для получения образования, для лечения и по другим причинам. Никаких законов, которые регулировали бы порядок подобного выезда, не существовало. Все было во власти монарха. Хотя всегда были люди, которые пытались бежать из страны, не было групп, которые вели бы борьбу за принятие законов об эмиграции. В этой связи нельзя не отметить уникальный документ, относящийся к 1610 г. — договор признания русским царем Польского королевича Владислава, в содержание которого усилиями приверженцев второго самозванца (Тушинского вора) во главе с боярином Михаилом Салтыковым было включено и право выезда в другие христианские государства для образования (1, с.121-122). Однако это событие не оказало осязаемого влияния на последующую историю эмиграции.

Возрастание разнообразия общества, увеличение количества различных этнических и конфессиональных групп, рост конфликтов различного типа создал у отдельных групп потребность искать выход в эмиграции. В Новый Свет выехало 2,7 тыс. чел. (9, с.21), что собственно уже можно было назвать эмиграцией. На этом этапе Россию покидали значительные массы некоторых национальных меньшинств. Это касалось калмыков, 200 тыс. которых выехало из страны в 1770 г. в Китай после ликвидации Калмыцкого ханства (9, с. 19). Большое количество поляков эмигрировало в результате неудачного восстания. Указ 1685 г. положил

начало эмиграции старообрядцев, которые, спасаясь от преследований, бежали в Австро-Венгрию и мусульманскую Османскую империю. Массовое бегство стало проблемой для власти. Например, генерал-прокурор П. Ягужинский после смерти Петра I писал Екатерине I: «И множество бегут за рубеж польский и в башкиры, чему и заставы не помогают, и такой после расположения полков на квартиры в душах ущерб является, что в одном Вологодском полку, который расположен в Казанской губернии, убыло с лишком 13000 душ... Да в той же губернии... бежало... в Башкиры 2043 души» (10, с.552). Эмиграция мусульман началась в последней четверти XVIII века в результате победы России над Турцией, ликвидации Крымского ханства. XIX век был веком повальной эмиграции из Крыма. Численность эмиграции кавказских мусульман после кавказской войны оценивается в 1,5 млн. чел. Есть данные о более высокой эмиграции (11). В начале XIX века были выселены за Кавказский хребет молокане — секта, выделившаяся во второй половине XVII века из духоборов. Россия на этом этапе мало продвинулась к осознанию необходимости эмиграции как определенного права каждого человека. Страна продолжала жить в условиях конфликта между властью, пытающейся подавить всякие несанкционированные перемещения внутри страны и тем более за ее пределы, и «жидким элементом русской истории», пытающимся вырваться из-под этого пресса.

Второй этап эмиграции начался после того, как реформы Александра II нанесли удар традиционализму. Страна делала неуклюжие попытки встать на рельсы социально-экономического развития, что органически противоречило монопольному праву царя решать, кто именно может выезжать и возвращаться в Россию. Вскоре после реформ выявилось, что в обществе стала нарастать дезорганизация, перерастающая в угрозу конфликтов. Возникли новые группы меньшинств, стремящиеся покинуть страну. К ним относились меннониты, которые выезжали из Саратовской и Симбирской губерний. Всего на протяжении первого и второго этапов выехало примерно 30 тыс. членов различных преследуемых религиозных групп (12, с.211).

Первые проблески права на эмиграцию появились в конце XIX века у «инородцев». Началась эмиграция евреев, существенно усилившаяся после погромов, прозвучавших как несколько странный ответ на убийство террористами царя-реформатора Александра II. Всего с 1871 г. по 1890 г. выехало 177 тыс. евреев (13, с.571-579). В 1880 г. было издано «Дозволение евреям...», которое разрешало им покидать пределы империи, но наказывало эмигрантов лишением права вернуться обратно. В 1860-1862 гг. страну покинули ногайцы. Выехало также значительное число поляков после второго неудачного восстания. В 1864 г. в результате поражения в кавказской войне бежали 470 тыс. горцев (6, с.51). Началась миграция крестьян юго-запада и запада. Всего на этом этапе эмигрировало 1,7 млн. чел (3, с.43). Они уезжали в основном в Новый Свет, куда эмигрировало от 100 до 1000 чел. в год.

Рост эмиграции можно проследить от десятилетия к десятилетию. В 60-х годах выехало 4,7 тыс. чел., в 70-х — 68 тыс. чел., в 80-х — 300,7 тыс. чел. (9, с.34). Чистый отлив составил с 1860 г. по 1889 г. 1129 тыс. чел., что в пересчете на год составило 38 тыс. чел. (12, с. 11). Этот этап стал переломным для процессов, носящих характер эмиграции. Усиливая ее, люди тем самым давали ответ на рост дезорганизации и конфликтов.

Следующий, третий этап начался в 90-е годы и продолжался до начала Первой мировой войны. Для него характерно нарастание дезорганизации общества, перерастание ее в вооруженный конфликт, известный под названием пер-

вой русской революции 1905-1907 г. В стране усиливался террор революционеров и ответные репрессии власти. В этой ситуации произошел взрыв эмиграции. За период с 1900 г. по 1914 г. ее масштабы выросли в 10 раз (14, с.22). Две волны погромов резко усилили отъезд евреев, число выехавших достигло 1300 тыс. чел. (15, с.70). Всего с 1899 г. по 1916 г. в Америку уехало 3,3 млн. чел. (14, с.22). Одновременно резко усилилась так называемая трудовая миграция, ориентированная на временный выезд работника на заработки без семьи. В 1894 г. в Германию выехало на заработки 70-80 тыс. чел., в 1902 г. таких людей было уже 348 тыс. С годами эта цифра выросла до 794 тыс. чел. В среднем в год на заработки выезжало 400 тыс. чел. В Дании в 1905 г. работало 5 тыс. эмигрантов из России, в 1906 г. их насчитывалось уже 6,6 тыс. (12, с.64). Нарастание этого типа миграции свидетельствовало о росте в стране утилитаризма, т.е. отношения к окружающему миру как к реальному и потенциальному миру средств, которые можно использовать для достижения сложившихся целей. Соответственно росло и значение чисто экономических причин выезда, что не было характерно для предшествующих этапов. На этом этапе усилилась также эмиграция революционеров, которые воспользовались определенной либерализацией, скрываясь за границей от преследования полиции. Однако, несмотря на значительное облегчение выезда за границу на учебу, лечение и т.д., право на возвращение не приобрело законного статуса. Проект соответствующего закона, разработанный в 1905 г., не был принят. Реальная эмиграция по-прежнему оставалась в значительной степени неустойчивым компромиссом между слабеющей и дезорганизованной властью, с одной стороны, и нарастающим стремлением покинуть страну, с другой. Возникающее неустойчивое равновесие между этими тенденциями в результате тех или иных социально-политических катаклизмов могло быть разрушено, что и произошло в результате последующих событий.

Первая и вторая волны эмиграции

Четвертый этап эмиграции, начавшийся вместе с Первой мировой войной, охватывает последующую разруху, гражданскую войну и выросшую на их основе тоталитарную систему. Конец этапа совпадает с крахом крайнего авторитаризма в 1952-1953 гг.

В результате гражданской войны страну были вынуждены покинуть, опасаясь за свое физическое существование, примерно 1,5-2 млн. чел. (9, с.89), а по некоторым данным — 2-3 млн. чел. (16, с.207). Это была так называемая первая волна эмиграции, с ней был связан важный этап отношений России и Запада. Запад стал убежищем и одновременно очагом изгнанной из страны элитарной культуры России. В СССР же эмигранты, независимо от их участия в войне, взглядов и реальных поступков, рассматривались как преступники, как враги новой страны. Само существование эмиграции оценивалось как одно из доказательств всеобщей враждебности окружающего мира, как стимул поддержания в обществе постоянной мобилизационной готовности к войне, постоянного выискивания врагов везде, всегда и всюду.

После переворота 1917 г. общая дезорганизация, слабость государства, давление старых традиций не позволили сразу и полностью запретить выезд интеллигенции, чем смогли воспользоваться некоторые элитарные носители русской культуры. Одновременно новая власть практиковала принудительную высылку нежелательных лиц. Впервые публикуемые документы раскрывают политику новой власти в этом вопросе. Больной Ленин требовал 17 июля 1922 г. «искоренить всех

этих энесов», «выслать за границу безжалостно», «всех их вон из России», «арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа!» (17). На знаменитом «философском пароходе» в 1922 г. было выслано более двухсот наиболее известных представителей духовной элиты (18). Эмиграция на этом этапе не опиралась на закон, но была результатом безвластия или произвола новой власти, ее случайных конъюнктурных соображений.

Впоследствии в результате утверждения тоталитаризма возможность эмиграции превратилась в некоторый миф. Люди, выросшие в то время, не могли поверить, что в мире существуют страны, где можно по собственному решению уезжать за границу и даже вернуться и не получить за это статью. Произволом также определялся выезд иностранных граждан, включая коммунистов, которых могли насильно депортировать, передавать в руки гестапо и т.д. Имела место, как и в давно прошедшие времена, практика посылки государством людей для приобретения различного рода технических знаний, что обуславливалось политикой индустриализации, подготовкой к войне. Кроме того, значительное количество граждан направлялось нелегально для «поддержки революционного пролетариата» в другие страны. Например, много коммунистов немецкого происхождения и даже просто знающих немецкий язык было послано в 1923 г. в Германию для поддержки ожидавшейся там революции. После Второй мировой войны возникла категория новых эмигрантов, так называемых невозвращенцев, людей, которые, освободившись из плена, от принудительного труда в Германии, отказались вернуться в СССР. Людей, покинувших страну в результате войны, насчитывалось 8,7 млн., включая 3,2-3,3 млн. военнопленных и 5,4-5,5 млн. перемещенных лиц. Есть разные оценки числа невозвращенцев, но в любом случае речь идет о нескольких сотнях тысяч человек (9, с 119; 19). Это была так называемая вторая волна эмиграции.

Со Второй мировой войной были связаны и другие крупные эмиграционные потоки. До июня 1941 г. к СССР были присоединены территории с населением более 23 млн. чел. (20, с.47). В результате возникли разрешаемые и даже поощряемые властями массовые переселения граждан, проживавших на этих территориях. С конца 30-х до начала 50-х годов таким образом переселилось более 5,5 млн. чел. В Польшу переехало 2,3 млн. чел., а вместе с польскими евреями 2,5 млн. чел. (9, с.103). Эта было нечто среднее между депортацией, эмиграцией и бегством. Из Прибалтики с 1941 г. по 1944 г., т.е. во время немецкой оккупации, выехало в Европу 230 тыс. чел. (21, с.134). Выехало также 1759 тыс. немцев, 296 тыс. японцев (9, с.103), т.е. народов, которые имели свою государственность за пределами СССР.

На этом этапе страна не только не продвинулась вперед к нормальной системе эмиграции, но повернула обратно по сравнению с теми порядками, которые стихийно складывались в недавнем прошлом. Люди целиком находились во власти тоталитарного режима, который сам регулировал передвижение населения как внутри страны, так и за ее пределы, используя для этого различные методы, включая массовое насилие. Из постоянных жителей СССР могли эмигрировать лишь те, кто в результате войн, случайностей судьбы оказывались вне досягаемости власти.

Официальная позиция режима была во многом созвучна массовому сознанию, неодобрительно относившемуся к эмиграции. Государственность в России идеологически формировалась в значительной степени как некоторая интерпретация культурных стереотипов локальных миров, как попытка перенести их опыт на большое общество, на государство. Все общество стихийно или сознательно рассматривалось как большая семья, связанная братскими отношениями, во главе

с батюшкой (царем, генеральным секретарем и т.д.). На этом культурном фоне попытки покинуть пределы страны рассматриваются как предательство, измена, переход в другую общность, заведомо враждебную нашей. В условиях господства тоталитаризма эти представления овладели обществом, превращая уже на закате советской власти процедуру эмиграции в судилища общества над личностью.

Рост утилитаризма в обществе при враждебном к нему отношении привел к появлению новой, более мягкой, но, тем не менее, негативной оценки попыток покинуть страну. Эта оценка выражалась в форме презрительного отношения к тем, кто хотел бы начать другую, более активную жизнь. Неприязненное отношение к людям, стремящимся повысить свое благосостояние, могло проявиться в форме объяснения попыток эмиграции «погоней за длинным рублем». Враждебность к более инициативной жизни приобрела вид вопроса «Тебе что, больше других надо?». Эта враждебность, имеющая мощные исторические корни, временами может терять активный характер, отходить на задний план, но в моменты кризиса, поиска виноватых она способна вновь принимать активную, агрессивную форму.

Третья волна эмиграции

Пятый этап эмиграции, начавшийся после падения сталинского тоталитаризма, происходил в условиях резко изменившейся ситуации. Он характеризовался ослаблением государственности в результате общего нарастания дезорганизации, усилением давления низов в защиту своих прав и интересов. Власть оказалась не в состоянии продолжать террор и поэтому пыталась использовать принудительную высылку своих противников, возродив практику 20-х годов. Многие диссиденты вынуждены были под угрозой ареста покидать страну якобы добровольно. Возрастало количество невозвращенцев, т.е. людей, которые отказывались вернуться в страну из разрешенных командировок. При, казалось бы, полной невозможности бегства за границу такие попытки, тем не менее, имели место. Это происходило в условиях общего изменения ситуации в стране, не в последнюю очередь в связи с историческим переломом в колонизации, фактическим ее окончанием.

Расползание государства во всех направлениях, где это позволяли природные условия, стало наталкиваться на препятствия. Среди них первое: осознание высшим руководством, что для страны важнее освоение уже имеющихся территорий, чем присоединение новых. Вторым фактором стало осознание усиления внешнего сопротивления экспансии, истощения ресурсов, которые общество могло выделить для этой цели. Симптомы кризиса колонизации, однако, имели место значительно раньше.

Еще продажа Аляски свидетельствовала о появлении в правящем слое понимания необходимости отказа от бездумного чудовищного расползания страны и необходимости средств для интенсивного освоения Дальнего Востока. Однако последующая активизация массовой архаики, кажется, начисто смела эти проблески здравого смысла. Тем не менее, постепенно явственно выявилось исчерпание возможности дальнейшей колонизации. Центробежный характер миграции сменился центростремительным. Мы — современники этого резкого поворота. «Интенсивный выезд русских из России, в течение длительного времени составляющий основу межреспубликанских миграций, в период 1979-1988 гг. сменился процессом их стягивания в границах своей республики» (22, с.9). Усилилась реэмиграция русских внутри стран бывшего СССР, начало которой можно отметить в 60-е годы в Грузии и Азербайджане, а со второй половины 70-х годов — в Средней Азии. Имеет место «новое в

миграциях последних лет — конфликтный, часто катастрофический их характер... Симптомы назревающей конфликтности в обществе, проявившиеся в миграциях уже довольно давно, не были должным образом осознаны и оценены» (22, с.75).

Начиная с 1989 г., имеет место «свертывание нормальных «поисковых» миграций, в то время как стрессовые потоки увеличиваются» (22, с.22). Снижение эмиграции из России на территорию других государств бывшего СССР вызвано ухудшением условий проживания, возникновением межэтнических конфликтов, которые усилились в конце 80-х и начале 90-х годов. Налицо ускоренное «выталкивание» русского населения из Средней Азии, Закавказья, Казахстана, отток русских из некоторых других регионов (3). Одновременно в течение 1990-1992 гг. из России выезжали все титульные народы бывших республик на территории СССР, кроме армян, чему способствовал раздел армии.

Беспрецедентный крутой поворот в миграции может означать слом традиции, ослабление миграционной энергии, рост интереса к улучшению своей жизнедеятельности на старых местах проживания. Однако это может привести и к тому, что не находящая себе выход миграционная энергия будет накапливаться и послужит импульсом роста стремления эмигрировать. Так как значимая эмиграция в так называемые страны ближнего зарубежья становится все менее возможной, то тем больше вероятность того, что существенно усилится компенсирующее эмиграционное давление на страны дальнего зарубежья.

В тот же период усилилось стягивание других народов на свою этническую территорию. Эмиграция как бы продолжала этот процесс. В первую очередь, новыми возможностями воспользовались этнические и конфессиональные меньшинства: немцы, евреи, армяне, греки и пр. Борьба за свободный выезд резко усилилась с конца 60-х годов. До 1987 г. в рамках этого этапа выехало 300 тыс. евреев, 56,5 тыс. армян, 122 тыс. немцев и т.д. (23, с.267-271). Это была третья волна эмиграции. В этот процесс втягивалась также некоторая часть русского населения. С 1987 г. по 1990 г. из СССР уехало около 1 млн. чел. Всего же за послевоенный период выехало 2,5 млн. чел. (24). Если в 1980 г. количество уехавших составило 33,7 тыс. чел., то в 1990 г. оно достигла 316,1 тыс. чел. (без детей) (25, с. 115). Резко выросло количество людей, едущих за границу на учебу, в командировку и т.д. Например, в 1985 г. по частным делам из страны временно выехало 114,2 тыс. чел. В 1990 г. их численность достигла 3,4 млн. чел. (25, с.118).

Перевес сил в обществе постепенно склонялся против тоталитарного манипулирования людьми, что открывало путь группам, стремящимся эмигрировать, формированию правовых основ эмиграции на основе признания защиты прав человека. Эмиграция на этом этапе существовала как попытка разрешать противоречия между неприятием государством эмиграции как права личности свободно менять страну проживания и свободно в нее возвращаться и стремлением некоторых меньшинств свободно это делать. Фактический конец колонизации, рост центростремительных процессов вступил в противоречие с возрастающим стремлением личности реализовывать свой личный проект жизни и работы, который в своей значимой части продолжал традицию решать эту проблему на путях реализации центробежных устремлений.

Современный этап

С момента вступления в силу закона, разрешающего свободный выезд из страны и возвращение обратно, т.е. с января 1993 г., начался современный, шестой этап эмиграции. Возможность выезда перестала зависеть от произвола власти, которому намеренно придавался иррациональный характер, что создавало для всякого желающего выехать

гнетущую атмосферу неопределенности последствий его попыток. В этом можно видеть важный симптом выхода общества на путь либерального развития.

Интересным последствием этой перемены было крушение прогнозов, предрекавших взрывообразное возрастание эмиграционного потока. В 1994 г. из страны выехало 105,2 тыс. эмигрантов, что представляло незначительный рост по сравнению с 1992 г., когда выехало 102,9 тыс. чел., и с 1990 г., когда выезд составлял 103,6 тыс. чел. Выезд достиг максимума в 1995 г. и составил 110,3 тыс. чел. В следующем году он снизился до 96,4 тыс. (26, с. 129). Не оправдавшиеся прогнозы свидетельствовали о том, что мы еще не отошли от одностороннего понимания постсоветского общества как противоположности советскому, не осознали необходимости анализа специфики современности, меры имевших место перемен.

В чем-то постсоветская эмиграция вначале оказалась в некоторых аспектах сходной с эмиграцией досоветского периода и позднего советского этапа. Она охватила прежде всего некоторые этнические группы, не имеющие своей государственности в СССР. Тем не менее, можно предположить, что этот этап будет характеризоваться самой последовательной в истории России попыткой установить и воплотить в жизнь правовые основания свободной эмиграции и возвращения эмигрантов в страну по собственному усмотрению для всех граждан. Правда, история эмиграции создает для этого крайне противоречивые и не слишком благоприятные предпосылки. Но современный этап динамики российской эмиграции можно рассматривать, прежде всего, как попытку преодолеть негативные аспекты эмиграции, ее конфликтный характер, сложившийся на протяжении истории, как попытку укрепить реальные достижения общества на пути к свободной эмиграции, к праву возврата на родину, сделать возврат эмигрантов все более органичным элементом интеграции России в мировое сообщество, школой общения, диалога с другими странами и народами.

В современной эмиграции можно видеть появление новых и исчезновение некоторых прежних ее форм. Приведем несколько примеров:

- прекратилась насильственная высылка из страны;
- в России впервые появилась транзитная эмиграция из Африки, Афганистана, Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока. По опросам, 73% этих эмигрантов считают себя транзитными иммигрантами, тем не менее исследования показывают, что значительная часть иммигрантов «останется в России», что придется «решать проблему их интеграции в российское общество» (26, с. 130);
- в газетах писалось о существовании группы эмигрантов численностью «от батальона до полка», состоящей из дезертиров российской армии;
- усиливается трудовая эмиграция, направленная на получение временной или постоянной работы.

Сведения о работе наших специалистов за рубежом весьма многочисленны. Например, в Мексике в университетах и научных центрах работает 300 крупных ученых и ведущих специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Новосибирска и других городов. Среди них специалисты по океанографии, геологии, сейсмологии, механике, математике, космосу. Предполагается также пригласить специалистов из оборонной промышленности, специалистов по прикладной математике, биотехнологии, по добыче и переработке рыбы и сельскому хозяйству. Контракты рассчитаны на 2-3 года с возможностью дальнейшего продления (27, с. 7).

Имеется значительный мировой опыт позитивного влияния на жизнь в стране реэмигрантов, их повысившейся квалификации и возросших капиталов, их трудовой этики (28). Существует возможность создания из эмигрантов анклавов друзей России.

Первая волна эмиграции, которая была результатом гражданской войны, была психологически и экономически мало подготовлена к такому сотрудничеству. Попытки, которые шли в этом направлении, не встречали поддержки в советском руководстве. Сегодня определенное позитивное движение в этом направлении существует. Одно время даже говорили об определенной тенденции возвращения эмигрантов-бизнесменов, желающих заниматься бизнесом в России (29, с.3). Однако попытки эмигрантов установить экономические отношения с Россией далеко не всегда эффективны в связи с неблагоприятными условиями для инвестиций (30, с.7).

Возврат в страну эмигрантов, приобретших новый жизненный опыт, более высокую квалификацию, валюту, которая может быть вложена в хозяйство страны, мог бы иметь в перспективе благоприятные последствия. В конце XIX века в Польшу, тогда страну нищих, угнетенных малоземельных крестьян, возвратилось из процветающих США 30% уехавших поляков. «Почти в каждой деревне Южной Италии или Ирландии найдутся свои «американцы», то есть «возвращенцы» (31, с.155). Китайские эмигранты, которые уехали в США и стали там лауреатами Нобелевской премии, вносят существенный вклад в развитие науки в Китае (32, с.5; 33, 34). Есть точка зрения, что в России от эмигрантов можно ожидать денежных переводов на сумму 10-12 млрд. долл. в год (35). Однако общая ситуация в стране не обеспечивает сносных условий для самой пересылки этих денег.

Эмиграция имеет и ряд негативных последствий. Выезжают наиболее квалифицированные и активные люди, специалисты высокой квалификации. Причины этих утрат прежде всего не в самой эмиграции, но в недостаточной способности общества использовать этих людей, предоставить им адекватные рабочие места и условия жизни. В результате эмиграция приобретает характер утечки умов, составляет элемент деинтеллектуализации страны. По данным на 1996 г., если в целом по стране 13,3% населения имеет высшее образование, то среди эмигрантов этот процент достигает 20,6%. Среди эмигрантов в Израиль он составляет 30%, в США — 42%. Выезд наиболее перспективных ученых молодого поколения достигает 10-15%. В 1990-1991 гг. ежегодно уезжало 70 тыс. ученых, преподавателей, инженерно-технических работников. Из них 20% работало в Российской Академии наук. По методике ООН, затраты и упущенная выгода от отъезда одного специалиста с высшим образованием, ученой степенью составляют 300 тыс. долл., что для 70 тыс. чел. составляет 21 млрд. долл. (36, с.7). За пять лет выехало примерно 27,7 тыс. ученых и инженеров. По контрактам в 1992 г. из РАН уехало примерно 5% специалистов. Иран в 1993 г. «купил» специалистов за 5000 долл. в месяц для сборки ядерных боеголовок, Ливия — специалистов из Курчатовского института и т.д. Власти воспрепятствовали выезду группы специалистов, собиравшихся в Северную Корею (37, с.8). Существует точка зрения, что «по самым скромным оценкам экспертов по миграции населения, в ближайшие годы Россию будет покидать уже не 70 тыс., а 100-125 тыс. специалистов с высоким уровнем подготовки» (36, с.7). В этом случае ежегодные потери достигнут 30-35 млрд. долл. Утечка мозгов представляет собой серьезную угрозу обществу, образованию, способности обеспечивать прогресс в важнейших сферах деятельности, в конкурентоспособности товаров и т. д.

Двойственность эмиграции

Эмиграция, как и протоэмиграция, имела и имеет сложный противоречивый характер. С одной стороны, этот процесс утверждал силу общества и государства, распространяя их влияние и власть на громадные территории, включая в его

орбиту народы и ресурсы. Но, с другой стороны, он нес в себе потенциал отрицания этого государства, так как сама колонизация открывала возможность сохранения и наращивания сил, уходящих и даже противостоящих государственности.

Эмиграция из России не сформировалась как исторический спонтанный процесс, развивающийся на собственной основе, т.е. как устойчивый, исторически сложившийся элемент образа жизни общества, рассматриваемый как наработанная культурная ценность, завоеванный и закрепленный социокультурный институт. Она развивалась как противоречивый, внутренне расколотый процесс, полюса которого отрицали, разрушали друг друга. С одной стороны, имел место тоталитарный диктат, игнорирующий интересы и потребности эмигрантов, которые рассматривались то как враждебная государству сила, то как категория людей, чей временный выезд выгоден для государства. С другой стороны, очевиден смысл эмиграции как симптома возрастания самосознания личности.

Сложность эмиграционных процессов связана с двойственностью их исторических истоков. С одной стороны, они вытекают из присущего образу жизни народа еще в древней Руси стремления к своеобразной ползучей миграции на окружающие территории, которые рассматривались как неисчерпаемый ресурс. С другой стороны, они служили исторической предпосылкой стремления возрастающего количества людей выехать на постоянное или временное жительство для реализации некоторого личного проекта жизнеустройства, существенного изменения своего образа жизни. В результате конца колонизации сама идея эмиграции вступила в противоречие с новым усилением центростремительных процессов.

Постсоветская эмиграция унаследовала от колонизации конфликтность между государственной попыткой удержать контроль над передвижением населения и стремлением самостоятельно решать, где им жить и работать, осуществлять свой жизненный проект. Появление современной эмиграции — результат победы второй тенденции, что также следует признать значимым поворотом в масштабе истории страны.

Унаследованный конфликтный характер эмиграции предопределяет ее сохраняющуюся двойственность. Историческое позитивное реальное и потенциальное значение эмиграции следует видеть в том, что она может превращать выезд из страны, как это и имеет место в других странах, в важнейший элемент взаимопроникновения культур, сближения стран и народов, в один из путей интеграции страны в мировое сообщество. Само по себе отсутствие в России исторически сложившихся традиций позитивного отношения народа и власти к эмиграции можно рассматривать как определенный симптом влияния традиционализма, изоляционизма.

Эмиграция — одна из попыток людей, определенных групп перейти от экстенсивных форм деятельности к интенсивным, усилить интенсивную составляющую своей деятельности, приобщиться к высшим результатам труда, организации, науки, техники и т.д. Можно даже сказать, что эмиграция — одна из форм попыток людей культивировать свой оптимизм, веру в свою способность реализовать новые возможности. Борьбу с эмиграцией, стремление подчинить ее лишь интересам государства можно рассматривать как попытки утвердить пессимизм, подорвать веру человека в свои способности развивать своей потенциал.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ключевский В.О. Сочинения. Т.1. М., 1956.
2. Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4.
3. Русские: этносоциальные очерки. М., 1992.
4. Седов Л.С. К истории авторитарного сознания // Тоталитаризм как исторический феномен. М, 1989.
5. Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Т. 2. Саратов, 1911.
6. Брук С.И., Кабузан В.М. Миграция населения России в XVIII — начале XX века: численность, структура, география // История СССР. 1984. № 4.
7. Замяев А.Ф., Зоц В.А. Отечественные мыслители позднего средневековья (конец XIV — первая треть XVII в.). Киев, 1990.
8. Федотов Г.П. Лицо России. Париж, 1967.
9. Миграционные процессы в России и СССР. Вып. 1. М., 1991.
10. Соловьев СМ. История России с древнейших времен. Кн. DC. М., 1993.
11. Вишневский А.Г. Серп и рубль. М., 1998.
12. Оболенский В.В. (Осинский) Международные и межконтинентальные миграции дореволюционной России и СССР. М., 1928.
13. Harward Encyclopedia of American Ethnic Groups. L: Cambridge (Mass), 1980.
14. Щербатский АИ. Русская эмиграция в США // Известия министерства иностранных дел. 1914. КНVL
15. Рупкин Д. Евреи нашего времени. Б.м. 1918.
16. Азраэль Д.Р., Брукофф П.А., Школьников В.Д. Перспективы миграции и эмиграции из бывшего СССР // Бывший СССР: внутренняя миграция и эмиграция. Вып.1. М., 1992.
17. Известия. 1993.29 мая.
18. Хоружий С.С. Философский пароход // Литературная газета. 1990. 9 мая; 1990. 6 июня.
19. Полян П. Жертвы двух диктатур. Военнопленные и остарбайтеры в Третьем Рейхе и их репатриация. М., 1996.
20. Суворов В. Ледокол. Кто начал вторую мировую войну? М., 1992.
21. Марианский А Современная миграция населения. М., 1966.
22. Зайончковская Ж. Миграционная связи России: реакция на новую политическую и экономическую ситуацию // Бывший СССР: внутренняя миграция и эмиграция. Вып.1. М., 1992.
23. Зайончковская Ж. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991.
24. Морозова Г. Современные миграционные явления: беженцы и эмигранты // Социологические исследования. 1992. N.3.
25. Кириллова Е. Эмиграция из бывшего СССР: по страницам отечественных журналов // Бывший СССР: внутренняя миграция и эмиграция. Вып.1. М., 1992.
26. Население России. 1997. Пятый ежегодный демографический доклад. М., 1998.
27. Василькова И. Мексика импортирует таланты из СНГ // Известия. 1993.22 июня.
28. Курьлев А.Ю. Трудовая этика современных российских реиммигрантов: ценности труда и навыки самоорганизации // Общественные науки и современность. 1998. № 6.
29. Лесков С. Ас советского сервиса вернулся из эмиграции // Известия. 1993.4 февраля.
30. Гончаров И. За дело берутся предприниматели—эмигранты // Российские вести, 1993.14 мая.
31. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире / Составитель Т.Шанин. М., 1992.
32. Лесков С. Академик Абрикосов находит плюсы в... «утечке мозгов» на Запад // Известия. 1993. 5 мая.
33. Иконников О. Эмиграция научных кадров из России. М., 1993.
34. Иконников О. Экспорт умов продолжает расти // Финансовые известия. 1993. 29 октября —4 ноября.
35. Смирнов Н. Ждут ли гостей? // Эхо планеты. 1992. № 48-49.
36. Богомолов О. Будет ли у завтрашней России научная элита, или еще раз об утечке умов // Российские вести. 1993. 7 мая.
37. Чернобров В. На цепи сидел лишь кот ученый // Российские вести. 1994.16 февраля.